

ЯН
ВОЛЬДЕМАРОВИЧ
ПЕЙВЕ

ЖИЗНЬ
И НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. А. Никонов

ЯН ВОЛЬДЕМАРОВИЧ ПЕЙВЕ НА ОТДЫХЕ

О таком выдающемся, многосторонне и богато одаренном человеке, каким был Ян Вольдемарович, говорить или писать вообще трудно. Всегда есть опасность чего-то не заметить, что-то недооценить или не понять, а то и просто не знать.

В течение более чем трех десятилетий мне приходилось встречаться с Яном Вольдемаровичем — профессором Латвийской сельскохозяйственной академии и ее ректором, директором Института земледелия и президентом республиканской академии наук, председателем Совета Министров Латвийской ССР и Председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР, главным ученым секретарем Президиума Академии наук СССР. Но автор этих строк считает себя не в праве пытаться освещать деятельность академика Пейве на всех этих постах, так как есть люди, знавшие его лучше и ближе по каждой из названных должностей. При этом приведенный перечень далеко не исчерпывает того громадного объема научной, организационной, государственной, общественной и даже дипломатической работы, которую вел Ян Вольдемарович. Достаточно вспомнить, что он долгие годы возглавлял республиканское общество «Знание» со дня его организации, очень часто выступал с докладами и лекциями среди крестьян, рабочих и интеллигенции, участвовал в многочисленных союзных и международных научных конференциях, выступая на них на русском, немецком и английском языках, бывал членом делегации Союза ССР на Генераль-

ной Ассамблее ООН, вел исследования и координировал всю работу по проблеме микроэлементов в стране, написал несколько крупных монографий и большое количество других научных работ, подготовил много кандидатов и докторов наук.

Вспоминается один эпизод, в котором очень рельефно проявились такие личные качества Яна Вольдемаровича, как принципиальность, требовательность и объективность. Судьба моя сложилась так, что закончить до войны образование не пришлось, надо было наверстывать упущенное после войны уже заочно, без «отрыва от производства». Однажды я должен был сдавать экзамен по растениеводству профессору Пейве. Как сейчас помню любопытные взгляды молоденьких студентов, как бы вопрошавших с этакой лукавинкой: «А знает ли что этот великовозрастный дядя?» Вообще-то предмет я знал. Подготовил курсовую работу по льну (эта культура для выходца из латгальской деревни неплохо знакома с раннего детства).

Экзамен затянулся. Профессор задавал все новые и новые вопросы. Основательно прощупывались многие разделы курса. Уже заканчивался второй час этой беседы. Мои юные друзья, наблюдавшие за ходом экзамена, явно сменили любопытство на сострадание. Наконец, запись в зачетной книжке сделана. Улыбающийся экзаменатор заявляет примерно следующее: «Вот так-то. Ездить вместе на охоту и на рыбалку вовсе не значит давать поблажку на деле».

Нельзя сказать, чтобы охота и рыбалка были каким-то хобби академика, но практически каждый выходной день, в любое время года, если эти дни не были заняты служебными делами или командировками, он проводил на природе. Охота и рыбная ловля никогда не были для него самоцелью. Скорее это было удобным поводом для того, чтобы побыть в лесу, на реке или на озере.

К охоте и рыбалке Ян Вольдемарович относился серьезно, вдумчиво, хорошо к ним готовился; он и здесь все делал исключительно квалифицированно и ответственно. Ян Вольдемарович был обладателем многочисленных крючков, блесен, лесок, мормышек, удочек, спиннингов, садков и других снастей. Он охотно делился с товарищами как своим опытом, так и материалами, осо-

бенно оригинальными. И вместе с тем он не терпел выклянчивания лесок и крючков во время самого ужения. Это, во-первых, отвлекало от дела, а во-вторых, свидетельствовало о нерадивости и несерьезности такого незадачливого рыбака. Обычно он отвечал так: «Имей сам, готовься к выезду на рыбалку». Однако дома, при подготовке, он делил пополам с товарищем любую самую дефицитную вещь и был очень горд, когда удавалось таким предметом «оснастить» друга.

Во второй половине 40-х и в 50-х годах, как известно, мы жили по шестидневной рабочей неделе с одним выходным днем — воскресеньем. Кроме того, рабочий день бывал очень длинным и заканчивался он глубокой ночью, а то и ранним утром. Несмотря на сравнительно молодой возраст, к концу недели мы очень уставали и поэтому дорожили этим единственным выходным днем, стремились его порациональнее использовать. Уже ранним утром выезжали на какое-либо озеро, а иногда и в ночь с субботы на воскресенье. Эти выезды имели также большое познавательное значение: мы знакомились с разнообразными уголками республики, встречались со многими людьми, особенно с крестьянами, присматривались к их быту и образу жизни, прислушивались к языку, песням, острой народной шутке.

Часто такие поездки с точки зрения рыбацкой и охотничьей удачи были совсем безрезультатными. Но они давали большой заряд энергии, большое моральное удовлетворение от общения с природой и хорошими людьми. В этой связи припоминается один выезд на озера Алауксте и Инесис летом 1948 г. Ни одной рыбешки мы не поймали, зато побороздили на лодке по красивейшим озерам Пиебалгской возвышенности, иногда даже тащили лодку волоком, устали чертовски. А потом с таким наслаждением беседовали с мудрыми старожилками и ели вкусный ржаной хлеб с не менее вкусным молоком.

Рыбалка не прекращалась и зимой. Подледный лов тогда входил в моду. Нашим «полем деятельности» по воскресеньям были не только Даугава, замерзшая кромка Рижского залива и близлежащие озера, но даже и такие дальние озера, как Разнас. Ян Вольдемарович вообще не курил и этой дурной привычки не поощрял. Но на обратном пути с рыбалки или охоты он позволял

себе раскурить одну сигарету. Только одну — единственную. И не вдыхая дыма. Это было своеобразным ритуалом. Данью чему-то. Иногда и мы поддерживали это действо. Но сколь путь на рыбалку или охоту был сосредоточенным и собранным, столь обратный — раскованным и, может быть, немножко вольным. Тогда шли в ход и озорная песня, и хороший анекдот. Только не пошлости. Пошлости в любом виде, в любой форме, в любое время и в любом месте академик Пейве не терпел и не принимал.

Личные качества человека сказываются и в большом и в малом, на работе и в быту, в общении с людьми и на отдыхе. Доброжелательность, коллегиальность, желание помочь, гуманность были присущи Яну Вольдемаровичу в высочайшей степени. Его исключительная добропорядочность, нетерпимость к любым формам непопорядочности сказывались везде и во всем. Даже на рыбалке и на охоте.

Вспоминаю такой случай. Зимняя охота была не особенно удачной. Но на одном фланге послышался выстрел. А когда собрались вместе, чтобы хлебнуть из термоса горячего кофе и обсудить дальнейший план охоты, то одного охотника недосчитались. Не появился он и в конце дня. Мы сразу догадались, в чем дело, и позднее подозрение подтвердилось: этот человек убил козла, положил его в багажник машины и воровским образом уехал в город. Для него охота была мясозаготовками, причем бесплатными. Уехал в одиночку, чтобы не делиться с товарищами. Этот случай положил конец нашим совместным с ним выездам на охоту. Когда однажды при сборах кто-то сказал, что стоило бы забыть старое и опять пригласить его, Ян Вольдемарович промолчал, только нахмурил брови. Мы все поняли и были солидарны с ним.

Людей высоких моральных качеств обычно отличает скромность, даже внешняя неброскость. Ян Вольдемарович был исключительно скромным и непритязательным в быту, в личной жизни. Он долгие годы летом жил на Рижском взморье, в Лиелупе, в маленькой, неказистой дачке, кажется, из трех комнат. В ней помещалась семья из шести человек, очень часто существенно пополнявшаяся за счет родственников и гостей, среди которых бывали ученые с мировым именем.

Ян Вольдемарович был прост и обходителен с людьми, вежлив и корректен. Ему было органически чуждо лицемерие, он был предельно конкретен и немногословен. Но он всегда оставался самим собой — и в костюме с белым воротничком, и в валенках, с пешней в руках. И на кафедре, и на заседании Совета Министров, и при исполнении веселой народной песни по дороге с охоты или рыбалки. Он был душевен и отзывчив, его открытое лицо с добрыми, умными глазами всегда излучало теплоту, доброжелательность и радушие.